

А. ВЕТЛУГИН

Белая Симфония

Странные люди живут в богоспасаемой Софии. Там впятером заплывывают «прогнивший Запад» (евразийцы)¹, там в одиночку ополчаются на горы неумолимых фактов («осважный» Соколов²), там разрушается миф о «белой мечте» (записки В. В. Шульгина³), там гомон и давка вокруг выборов в анекдотический русский Совет⁴ и там наконец и единственно там могла родиться книга Ивана Лукаша — «Голое Поле» (книга о Галлиполи в 1921 году). Если бы книга Лукаша была бы просто плохой книгой, о ней можно бы было промолчать и удовольствоваться пометкой в списке книг, поступивших в редакцию для отзыва. Один пишет, другой печатает, третий молчит...

К сожалению, книга Лукаша могла оказаться хорошей книгой. Если бы... если бы автор запас имеющейся в его душе музыки, стройной и настойчивой, запоминающейся и тоскливой, сберег для иных тем. Есть симфонии программные, симфонии беспрограммные и, наконец, симфонии, несоответствующие их программе, разрушающие их программу, уходящие в далекую даль от их программы...

«Когда уголья будут гаснуть, ты тронь их щипцами, ударь по обгорелым черным головням — и ринутся и запляшут искры, а ты сядь близко, наклонись к жару и слушай шёпот огня... Сядь ближе, наклонись так, чтобы тихий багрянец озарил твое лицо и слушай шёпот огня, слушай»... Так начинается «Голое поле»...

А через десяток страниц: «Он твердо сжимает свои железные перчатки. Когда он обдумает и отрежет, дело конченное»...

О ком это?

«...У него скошенный гневный лоб, сощуренные пристальные глаза и неловкая, но упругая походка. Это сильный человек, не знающий сомнений. Он не любит слов, потому что считает слова ложью и потехой болтунов»...

О ком же это?

«...Он думает, вероятно, что рослый гвардеец в медвежьей шапке более нужен России, чем болтуны со скамей конвента»...

Все еще неясно...

«...Он *шел по крови*. Он рубит в щепья. *Виселиц не боится*. Смертной казни во время войны он отменять не будет.

Он всегда спокоен и всегда чуть-чуть насмешлив»...

Таков загадочный герой музыкального автора. Как его называет Лукаш, — «Кутеп-паша»⁵, или как его другие, бывшие живые называли: «Кутепов вешатель». Впрочем, «в его насмешливости много солдаткой крутой соли». Настолько много, что и в гостях он ведет себя чисто «по-солдатски». Приехав в гости, вешает других гостей и очень удивляется, узнав, что, собственно говоря, за такое «нарушение гостеприимства» полагался бы военно-полевой суд. За убийство с заранее обдуманном намерением, совершенно в зоне, оккупированной союзными войсками. Впрочем, для успокоения совести «скошенного гневного лба» в гости приглашается и знаменитый враг смертной казни — Кузьмин-Караваев⁶. Заключение: оно, конечно, но, в общем, ничего... Так обстоит дело с Кутеповым. Что касается обитателя яхты «Лукулл»⁷, то «о Врангеле в армии говорят мало. Для Галлиполи он больше командующего. За синей линией море, где идут рядами томительно шумя белые дорожки пены (о громче, о громче играй! во музыка Лукаша, играй и заглушай), там он *перед всем миром* Врангель один стоит за Россию».

Высокий, тощий как жердь Врангель шел с мола, и *вдруг прорвалось солнце*, засветив солнечным золотом пыль. Я посмотрел на главнокомандующего и у меня знаете» головной боли как не было»...

Музыка сфер снова овладевает автором и в словах терпких, липких, красочных он поет о светлой влюбленности к Врангелю — «одиноким стене России пред всеми мирами», — о «худенькой, похожей на английскую мисс, очень веселой и жизнерадостной» жене Врангеля, изредка приезжающей посмотреть, как солдаты с отвращением глядят на консервы и как «Кутепыч», «по утрам, в штабе, подписывая приказы по корпусу, спрашивает коменданта: “Ну сколько у вас на Губу? Много сегодня? Давайте же сажать”»... Нежным именем «губы» автор именует гауптвахту, куда сажают за плохо пришитый погон, за оторванную пуговицу, за малейшее отступление в отдании чести *et cetera*.

«Кутепыч» — логик, и так как Россия его «ждет», то он переехал в Сербию и поступил в сербскую пограничную стражу: «Кутепыч щурит блестящие черные глаза. Смеется. И всем смешно»...

Смеются действительно все. Дедушка Манштейн⁸ (отец кровавого Манштейна-Крымского⁹) утешает раненого внука: «И хорошо, что

ранен. Так и надо, что ранен. И ничего, что больно. И хорошо, что больно».

А Манштейн — отец «снова задумался и лицо его *понежнело*: Знаете ведь много приходилось расстреливать... Беспощадный отбор приходилось вести. Выстроишь пленных и спрашиваешь: «Коммунисты есть»? Молчат. Подходишь к первому — «есть коммунисты»? Отвечает — «никак нет!». «Расстрелять»!.. Отведут и расстреляют. Спрашиваешь следующего: «Есть»? «Так точно, есть!» «Кто»? «Вот этот» и другие покрикивают: «И этот, и тот, сукин сын». До десяти на сотню приходилось расстрелять»...

Снова, мечется Лукаш и жаждет музыки, но...

«Манштейн легко поводит на меня страдальчески приподнятой бровью и вдруг улыбнется мягко и робко — «Да много, много смерти. И, знаете, все умирают, молча! Поставят под дуло винтовок — и жмутся без звука, Бледные и понурые,

И не крестятся»...

Снова, всем смешно, тогда «генерал Туркул закуривает папиросу и откашливается: «Вот, а теперь стоим здесь. Есть такие, что не выдерживают. У меня в полку восемь офицеров застрелилось, И хорошие все офицеры. *Тоска по родной земле*»...

По видимому эти восемь Туркуловских офицеров¹⁰ не поверили ни в слова Кутепыча¹¹: «Мы последние, нас ждет Россия», — ни в спасительность для России его универсальной Губы.

Такова эта белая симфония; такова эта страшная, порой отвратительная в своей обоюдоострости, апология; такова эта попытка путем взывания к эстетическим началам доказать, что игра в Кутеповские оловянные солдатики, что не игра в военно-полевые суды, что воздвижение каменных двуглавых орлов, полевых церквей и потешных школ являются делами общерусского значения, а не презренной ничтожной утехой мелкого армейского самолюбия.

В книге Лукаша в толпе мучителей, мучеников, фантастов, извергов, вешателей, повешенных наиболее страшит восторженное лицо автора.

У искусства есть возмездие. И душу того, кто из искусства делает орудие бессильной ненужной пропаганды — постигает жуткая кара. Презрение к самому себе (потому что действие гашиша рано или поздно кончается), и творческое бесплодие¹².

